УДК 070 + 81'22 + 80 DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-6-168-179

Ретротопический дискурс в пространстве Интернета (заметки к вопросу о ностальгических репрезентациях)

М. Ю. Маркасов ¹, **О. А. Маркасова** ²

- ¹ Новосибирский государственный педагогический университет Новосибирск, Россия
- ² Новосибирский государственный университет экономики и управления Новосибирск, Россия

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению ностальгических репрезентаций в социальных сетях и блогах, объектом интереса в которых становится наиболее актуальное для современной России историческое прошлое – советский период. Отмечается, что так называемая постпамять может быть абсолютно не идентична, а часто и противоположна «реальным» событиям, что существует столько же памятей, сколько и социальных групп. Кроме того, память воплощается и сохраняется в предметах и вещах, а современный миф формируется прежде всего в рамках массовой культуры, вбирая самые ортодоксальные стереотипы. В статье говорится о таком социально-культурном и психологическом явлении, как ретротопия, утверждается, что ретротопический дискурс проявляется на разных уровнях языковой и культурной составляющих, в качестве иллюстрации рассматриваются некоторые визуальные и текстовые материалы. Дискурс противоположный, «антисоветский», наоборот, предельно ироничен, что не исключает возможности также отнести его к сетевому китчу. Проанализированы материалы белорусского блогера Максима Мировича, посвященные советским реалиям. Делается вывод о том, что цель блогера - не столько деконструкция мифов, а борьба с иллюзиями «дискомфортного» сознания, с обывательской картиной мира, таким образом получается ретротопия наоборот. А также о том, что и Максим Мирович, и любители СССР пишут в контексте так называемой постправды: каждый из оппонентов конструирует свою модель мира, в которой оппозиция «правда / ложь» имеет второстепенное значение. Интернет-материалы на советскую тему можно представить как семантическую игру, жонглирование массовыми концептами, наполнение интернет-пространства смыслами, а не идеологическое противостояние.

Ключевые слова

ретротопия, постпамять, контрпамять, соцсети, СССР, ностальгия, дискурс, массовая культура, блог, референтность

Для цитирования

Маркасов М. Ю., Маркасова О. А. Ретротопический дискурс в пространстве Интернета (заметки к вопросу о ностальгических репрезентациях) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 6: Журналистика. С. 168–179. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-6-168-179

Discourse of Retrotopia in the Internet Space (Notes on the Question of Nostalgic Representations)

M. Yu. Markasov ¹, O. A. Markasova ²

¹ Novosibirsk State Pedagogical University Novosibirsk, Russia Federation

² Novosibirsk State University of Economics and Management Novosibirsk, Russia Federation

Abstract

The article considers nostalgic representations of the most relevant historical past for modern Russia – the Soviet period in social networks. It is noticeable that the so-called post-memory can be absolutely not identical, and often the opposite of "real" events, that there are as many varied recollections as there are social groups. Moreover, memory may

© М. Ю. Маркасов, О. А. Маркасова, 2021

be embodied and preserved in objects and things, and the modern myth is shaped primarily by the mass culture, absorbing the most orthodox stereotypes. The article discussed such socio-cultural and psychological phenomenon as retrotopia. Based on the analysis of some visual and textual materials, it argues that the discourse of retrotopia manifests itself at different levels of linguistic and cultural components. The opposite "anti-Soviet" discourse, on the contrary, is extremely ironic, and may be defined as network kitsch. This article analyzes materials about Soviet realities produced by the Belarusian blogger Maksim Mirovich. As a result, it concludes that the blogger aims not so much to deconstruct myths, but the fight against the illusions of "uncomfortable" consciousness, with the narrow-minded view of the world, thus, the reverse is true. Furthermore, Maxim Mirovich and the USSR fans create the narrative in the context of the so-called post-truth: each of the opponents constructs his own model of the world, in which the "truth/false" opposition has secondary importance. Generally, Internet materials about Soviets can be presented as a semantic game, juggling with mass concepts, filling the Internet space with meanings, rather than an ideological confrontation.

Keywords

retrotopia, post-memory, counter-memory, social networks, the USSR, nostalgia, discourse, popular culture, blog, reference

For citation

Markasov M. Yu., Markasova O. A. Discourse of Retrotopia in the Internet Space (Notes on the Question of Nostalgic Representations). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 6: Journalism, p. 168–179. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-6-168-179

Историческое прошлое можно рассматривать с разных точек зрения — например, исторической, психологической и семиотической, однако в данном случае очевиден вопрос интерпретации и нарратива, т. е. то, кто и как об этом прошлом рассказывает, как выстраивает свой нарратив и следует ли устоявшимся традициям и законам повествования (или нарушает их).

Наиболее актуальным историческим прошлым для современной России является сравнительно недавний советский период. Актуальность эта, разумеется, обусловлена живым воспоминанием людей, родившихся и существовавших в ту эпоху. В этом смысле представляет интерес феномен различных социальных сетей и интернет-площадок, на которых размещен непрофессиональный контент, дающий богатый материал для исследования. В сети явлен огромный и пестрый материал на тему советского, который тем не менее принадлежит двум условным группам авторов: апологетам всего советского и критикам этого дискурса, которые представляют особый интерес с точки зрения семиотического исследования. Т. И. Ерохина [2017] пишет о постпамяти, ссылаясь на американского профессора Марианну Хирш, которая впервые ввела эту дефиницию [Hirsch, 2012] 1.

Постпамять не эксплицирует фактическую сторону воспоминания как такового, а связана с культурной травмой и вовлечением эмоциональных и проекционных аспектов. Таким образом, постпамять может быть абсолютно не идентична, а часто и противоположна реальным событиям. Данный термин встраивается в современную культурную ситуацию, обозначаемую словами с приставкой «пост-»: постправда, постистина, посткультура, постфеминизм, постнаука, постистория и др. И эта культурная ситуация, как ни странно, обозначается уже не термином с приставкой «пост-» - «постмодернизм», а «метамодерн»: «Метамодерн - это "колыбель Ньютона", в рамках которой нет абсолюта и единственно правильных решений (post-truth), но есть всепронизывающий феномен фейка. Эта фундаментальная понятийная трансформация постепенно привела к демистификации абсолютной власти, на место которой пришел фактор влияния. <... >. И если раньше миф был централизованным, "официальным", предсказуемым, с очевидными и прогнозируемыми сценариями, то сейчас он рождается спорадически, ситуационно» [Хохлова, 2017. С. 59-60]. Понятие «контрпамять» по отношению к истории использовал Мишель Фуко, контрпамять - «память оппозиционная, противопоставленная коллективной памяти, предлагающая альтернативную версию исторических событий, отрицающая общепринятые представления о прошлом» [Ерохина, 2017. С. 269]. На Западе существует богатая литература, посвященная исторической памяти как гуманитарному

¹ Что такое постпамять / перевод статьи Марианны Хирш. URL: http://urokiistorii.ru/node/53287.

феномену, назовем, прежде всего, таких ученых, как Патрик Х. Хаттон [2003], Морис Хальбвакс [2007], Поль Рикёр [2004], Пьер Нора [Нора и др., 1999]. Память противопоставлена истории как профессиональной дисциплине, «память порождается той социальной группой, которую она сплачивает, это возвращает нас к тому, что, по словам М. Хальбвакса, существует столько же памятей, сколько и социальных групп, к идее о том, что память по своей природе множественна и неделима, коллективна и индивидуальна. Напротив, история принадлежит всем и никому <...>. Память укоренена в конкретном, в пространстве, жесте, образе и объекте» [Нора и др., 1999. С. 20]. Продолжая мысль Пьера Нора, добавим, что «количество памятей», равное количеству социальных групп, представляет собой разнообразие современных мифов, так как «любая текстовая репрезентация социальной реальности, любое ее объяснение – даже самое рациональное, в виде цифр социологического исследования или экономической сводки – в некотором смысле является мифологичной. Она мифологична потому, что воспринимается и понимается прежде всего эмоционально, исходя из уже существующих в общественном сознании мифов <...>. Это происходит как сознательно, так и бессознательно – в ходе повседневного проговаривания и написания текстов» [Чикишева, 2009. С. 273]. Современный же миф формируется прежде всего в рамках массовой культуры, вбирая самые ортодоксальные стереотипы, так как «в условиях распада "больших нарративов", на смену традиционным, "жестким", приемам формирования исторической памяти приходят "мягкие", "неформальные"» [Фокин, 2016. C. 66].

В 2011 г. в Томске вышла коллективная монография с характерным названием «Ностальгия по советскому» [2011], а годом позже – книга «СССР: Жизнь после смерти» [2012], в которых представлены результаты междисциплинарного исследования: за последние десятилетия в силу текстовой отрефлексированности феномен ностальгии из психологического конструкта превращается в объект социально-культурологический и семиотический. Авторы, рассматривающие ностальгические проявления в «пространстве Интернета» и «медиадискурсов», обращают внимание на так называемые «точки входа» – артефакты: фото, музыку, видео, вещи, «позволяющие попасть <... > в прошлое» [Говорухина и др., 2011a. С. 438]. В принципе, обзор ностальгической темы в телевизионных и печатных СМИ достаточно подробно представлен в томском сборнике [Говорухина и др., 2011б. С. 358-376]. Другое дело, медиа постепенно «перемещается» в Интернет, трансформируется социально-политическая жизнь, и, соответственно, во многом изменяется ситуация с презентацией советского. В художественной литературе прошлое с его богатой атрибутикой отрефлексировано еще более скрупулезно: авторская рефлексия варьируется от серьезно-эпической до ироническикарнавальной. В соцсетях, контент которых ориентирован на массовую культуру и эксплицирует концепты «наивной картины мира», эта самая картина мира оказывается хоть эстетически и примитивнее литературных текстов, однако, как ни странно, предстает как более многоаспектное явление, как специфическое «освоение субъектом дискурсивных моделей иных эпох» [Гриценко, Эмер, 2011. С. 462]. Ностальгические мотивы, воспоминание, память польский и английский социолог Зигмунт Бауман обозначил словом «ретротопия»: «Пережив двойное отрицание, утопия Мора сегодня восстала в виде ретротопии – в картинах утраченного / украденного / покинутого и призрачного прошлого. Призрачное прошлое заместило собой еще не рожденное и потому несуществующее будущее (как и дважды подвергшаяся отрицанию мечта о возвращении в рай)» [Бауман, 2019. С. 18]. И далее: «Ретротопией я называю то, что происходит из <...> отрицания утопии <...>. Отличие ретротопии заключается в том, что она одобряет, поглощает и встраивает в себя блага / улучшения, достигнутые ее непосредственным предшественником – утопией; ретротопия заменила идею "абсолютного совершенства" убежденностью в незавершенности и природной неустойчивости поддерживаемого порядка» [Там же. С. 21].

Ретротопический дискурс проявляется на разных уровнях своей языковой и культурной составляющих. Надо отметить, что анализ содержания социальных сетей достаточно сложен в силу, во-первых, объема информации и почти мгновенной ее смены, во-вторых, эклектич-

ности контента, в-третьих, что очень важно с точки зрения нарратива, количества акторов / авторов, создающих этот контент, в-четвертых, интерсемиотичности — сочетания разных знаковых систем, в-пятых, принципиальной незавершенности. Говоря о полноценных художественных текстах, бытующих в сети, в частности, о произведениях Дмитрия Горчева, И. В. Силантьев замечает: «Европейская литературная поэтика <...> ожидает от автора создания законченного в смысловом отношении текста <...>. За рамками художественной литературы принцип законченности / завершенности текста <...> носит все тот же всеобъемлющий характер <...>. В мире частных интернет-коммуникаций <...> мы можем наблюдать принципиально иную картину. В основе построения самой блогосферы лежит обратный принцип относительной незавершенности текста и его последующего развития в сети посредством читательских и собственно авторских комментариев с возможностью его спонтанного коллективного завершения» [Силантьев, 2017. С. 125–126].

В соцсетях («ВКонтакте») есть множество групп, например, «СССР – Вспомним как это было» – более 300 000 подписчиков, «Союз Красных Групп и всех, верных СССР!» – около 50 000, «За возрождение СССР» – почти 6 000, «Движение граждан СССР» – более 800 подписчиков, «Любители СССР», «Честные люди за возрождение СССР» («Одноклассники») и др., их материалы разной степени интеллектуального наполнения сходны: они эклектичны и представляют собой дискурсивную «смесь» религиозной апокалиптики, советской идеологии и бытовых стереотипов (страна с лучшей в мире системой образования, самая читающая страна в мире, первая страна с всеобщим избирательным правом, наконец, ставшее мемом выражение «самое вкусное в мире мороженое» и т. д.) ². «Самый», «лучший», «первый» – только наличие и обилие таких слов, нередко сопровождающих подобные языковые формулы, уже дают возможность усомниться в соответствии высказывания действительности. Выбор эмпирического материала для анализа обусловлен не целостностью рассмотренного контента, а, скорее, выявлением общих характерных дискурсивных ролей («методом случайной выборки») и с претензией на некий общий «ансамбль» этих дискурсов.

В группе «За возрождение СССР» ³ размещен портрет Сталина с нимбом в виде герба СССР и надписью «Святой праведный великий Иосиф». Слишком когнитивно диссонирует сочетание святых атрибутов и советской символики (ордена, мундир). В принципе, коммунизм как неорелигия — это достаточно очевидный факт, восходящий к классическому труду Николая Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма», суть которого — в доказательстве сходства и одновременно различия коммунизма и христианства, в амбивалентности этих феноменов: «Коммунизм, <...> как религия, фанатически враждебен всякой религии <...>. Он сам хочет быть религией, идущей на смену христианству, он претендует ответить на религиозные запросы человеческой души <...>. Коммунизм целостен, он охватывает всю жизнь, он не относится к какой-либо социальной области. Поэтому его столкновение с другими религиозными верованиями неизбежно. Нетерпимость, фанатизм всегда имеют религиозный источник <...>. Как религиозное верование, коммунизм эксклюзивен. Огромную роль тут играет русский религиозный темперамент, русская сектантская и раскольничья психология» [Бердяев, 1955. С. 129].

Вернемся к портрету Сталина. Эффект нарочитости создается в данном случае не за счет непонятного старшему поколению сочетания, а, скорее, за счет безвкусия и вульгарности коллажа, отражающего масскультурную картину мира. По сути, перед нами «классический» китч. Анонимный автор рисунка воспроизводит традиционную для соцреализма иконографию — действует по шаблонам советского «классицизма», декларирующего нормы создания портретов вождей. Светлана Бойм, анализируя соцреалистическое изобразительное искусство, в частности знаменитую картину Лактионова «На новую квартиру», пишет: «...картина Лактионова слишком правильно следует иконографии <...>. "Нарочитость" картины состоит именно в ее нарочитой правильности, почти не скрываемой условности сталинского акаде-

² https://vk.com/club57114101, 25-01-2014.

³ https://vk.com/za sssr.

мизма» (во время моей лекции о соцреализме один из слушателей-американцев спросил, не является ли картина пародией...)» [Бойм, 2000. С. 93]. И далее замечает: «Интересно, что в альбомах 1960-х картина часто публиковалась без портрета Сталина. В 1960-х не только фикус и бумажные цветы, но и портрет Сталина стали элементами плохого вкуса. Это новая борьба со сталинским китчем стала своего рода "лакировкой" исторической памяти, китчем в другом стиле» [Там же. С. 94]. Таким образом, смена идеологических ориентиров может представлять прошлое в любом ракурсе, то же самое происходит и в современном массовом сознании, эксплицированном в текстах, размещенных в соцсетях. Нам видится символическим это изображение, потому что оно сопрягает противоположности современных смыслов - советское как благо и советское как воплощение «империи зла». На смешении и строится игра «смыслами», пространство Интернета наполняется «смыслами» – в этом ее основная задача. Правила этой игры декларируют обязательный пользовательский обмен комментариями. Механизм коммуникации довольно прост: выкладывается фото или некий текстовый материал, рассчитанный на реакцию, далее следуют комментарии. Некоторые комментарии весьма затруднительно анализировать, так как они просто безграмотны, агрессивны и порой настолько невразумительны, что становятся похожими на словесную «абракадабру».

Весьма интересен и причудлив выбор жанров материалов, и, пожалуй, соцсети представляют практически всю их палитру. Безусловно, в сознании приверженцев СССР эти мифы и фейки часто бессознательно и автоматически формируются на основе «осколков» жанровых и речевых шаблонов соцреалистического искусства. Советский «новояз» достаточно обширен и сложно классифицируем. Причем языковая игра в данном случае практически исключена. Говоря о пропагандистских текстах советской эпохи, Даниэл Вайсс отмечает, что «<...> круг существующих текстов <...> настолько широк, что не удается обнаружить никакой надежной общей для них языковой характеристики» [2000. С. 539]. Скорее, можно и нужно говорить в данном случае не столько о языковых особенностях (это объект отдельного исследования и к тому же не попадает в сферу нашего внимания в этой статье), а о дискурсе. И. В. Силантьев заметил: «Любопытное дело — советской страны и соответствующей политической и общественной системы нет, идеологии, вроде бы, тоже нет, а вот "советский" дискурс живет и продолжает воспроизводить себя то здесь, то там» [2006. С. 67].

Именно канон, традиция, «память жанра» формируют бессознательный выбор дискурса. Так, в группе «Союз Красных Групп и всех, верных СССР!» ⁴ 21.08.2018 размещен материал под названием «О жизни в СССР: разговор с сыном!»: Как-то сын спросил у отца: — Папа, ну что там, в СССР, могло быть такого, чего нет сейчас? Отец отвечает: — Представь, что ты живешь в своем городе, и тебе нужно устроиться на работу. Ты приходишь на завод, а там на проходной — огромный перечень вакансий, на которые требуются работники... Есть специальность — милости просим, нет — научим, берут учеником... Не хочешь учеником на завод, иди на фабрику, в связисты, в дорожники, в водители, в торговлю, на шахту. И везде тебя ждут. А можешь поехать по комсомольской путевке на стройку — на Север или в Сибирь, получить бесплатно квартиру, увидеть всю страну, познакомиться с интереснейшими людьми со всех концов СССР, всех национальностей... Ты сможешь зайти в магазин, в котором банка икры стоит, например, рубль. Ты придешь через месяц, а она стоит также рубль. Придешь через год, а она уже стоит 90 копеек, а через два года — восемьдесят ⁵.

Первое, что бросается в глаза, – прямая соотнесенность с хрестоматийным стихотворением В. Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо»: «Как-то сын спросил у отца» // Крошка сын к отцу пришел, и спросила кроха (Маяковский). Такая «интертекстуальность», безусловно, интуитивна: автор воспроизводит знакомый всем детям СССР «стишок». Интересно другое: и в данном тексте, и в стихотворении Маяковского – сильная ориентирован-

⁵ vk.com>wall-46239432_545657. Воспроизводится фрагмент текста.

⁴ https://vk.com/cco_cccp.

ность на мораль, и построены тексты по одной и той же схеме: тезис (хорошо) — антитезис (плохо) или в обратном порядке (у Маяковского). Более того, это как бы «детская литература», с акцентом на воспитательный дискурс. В тексте ВК всё, что связано с современностью, — «плохо» (Например: И нет никаких олигархов, охранников на всех «вертушках», кучи банков, раздатиков рекламы, попрошаек), прошлое однозначно «хорошо». Кроме того, коммуникация «отец — сын» имеет явную религиозную коннотацию: разговор происходит между богом и молодым адептом, получающим всевышнее откровение. Неслучайно отец обладает даром пророческого видения: Так было. И так еще будет. Обязательно! Более того, он погружает неофита в состояние «измененного сознания» (Представь...), и перед взором сына предстает картина золотого века, причем прошлое и будущее смешиваются (времени уже не будет). В тексте мы можем наблюдать и признаки притчи: прежде всего, дидактизм, лаконизм, а действующие лица выступают «не как объекты художественного наблюдения, но как субъекты этического выбора» [Аверинцев, 2006. С. 94].

То, что отсутствует в нашей притче, это аллегория. Впрочем, учитывая сказочно-фантастический «сюжет» и почти эпическую интонацию (использование анафоры и повторов -«ты», предпоследний, достаточно обширный абзац, построен на приеме синтаксического параллелизма), можно говорить и об иносказании. По всей вероятности, в постфольклорном пространстве Интернета притча функционирует по своим законам. Перед нами предстает то, что можно назвать ретротопией в ее чистом виде. Интересно, что в приведенном нами контексте почти отсутствуют элементы советской идиоматики: пожалуй, только познакомиться с интереснейшими людьми, увидеть всю страну, а финальная Мысль порождает слово, слово порождает действие напоминает то ли лозунговый универсум, то ли стихотворную строку. Контент, продуцируемый приверженцами СССР, почти лишен иронии. Впрочем, любые тематические группы и блоги в силу своей полисубъектности насыщены и идеологически антагонистическими высказываниями, что делает их в некотором роде полемическими, а следовательно, более развлекательными. Примечательно в этом смысле бытование «иной» реальности в эпоху до Интернета. В городской среде советского человека были распространены слухи о совершенно фантастических историях, в которые, тем не менее, многие верили. Речь идет о так называемых городских легендах, транслировавшихся и передававшихся исключительно устно, являясь, таким образом, аналогом фольклора и, возможно, бытующих в наше время в виде фейков. Джинсы, зараженные вшами, свастики, скрытые в конструкции домов, красная пленка, отравленная жвачка, черная «Волга» и «сифак» – всё это набор популярных бесписьменных «правдоподобных» историй советского времени [Архипова, Кирзюк, 2020].

Дискурс противоположный, «несоветский», наоборот, предельно ироничен. Известный блогер и музыкант Михаил Ежов создал во «ВКонтакте» достаточно интересный проект «Гоголь в чате»: анимационные герои иронически комментируют ту или иную политическую или социальную проблему. Впрочем, это тема отдельного исследования. Нас интересует относительно «классический» текст Ежова, имеющий непосредственное отношение к советскому, — «Совет дня ностальгирующим по СССР: нарежьте газету ровными квадратиками...» ⁶. Приведем некоторые фрагменты (собственно, сам текст композиционно достаточно несложен и состоит в основном из 10 «советов» тем, кто хочет вернуться в СССР): 10 простых шагов для возвращения в СССР. В СССР можно и сейчас вернуться. Гипотетически <...>. Придите в магазин, простойте там час-полтора и купите 1 кг бананов с пониманием, что больше в этом году вы бананов не увидите <...>. Заплатите за автомобиль полную стоимость, а за самим автомобилем приходите через 10 лет <...>. Зимой, в 30 градусов мороза, встаньте в 6 утра и простойте на улице час, чтобы купить 3 литра разбавленного водой молока <...>. Нарежьте 16 полос газеты «Правда» ровными квадратиками и используйте ее вместо туалетной бумаги. В конец текста включен мем из ресурса «АйДаПрикол»:

⁶ https://newizv.ru/news/society/15-07-2020sovet-dnya-nostalgiruyuschim-po-sssr-narezhte-gazetu-rovnymi-kvadra-tikami.

Простой вопрос любителям СССР: сколько в СССР стоило заказать доставку пиццы? Сколько в СССР стоила горяшая путевка в Париж?

Весь текст строится на игровой ситуации (то, что предлагает Ежов, очень похоже на современные квесты): читатель должен сопоставить современную действительность с пресуппозицией – знаниями или осколками знаний о советском прошлом. И в «разговоре с сыном», и в «квесте» Ежова моделируется гипотетический мир, обозначенный словом «представь»: адресат должен оказаться в некой утопии («разговор») или антиутопии (текст Ежова). Обратим также внимание, что оба текста «жанрово» определены: разговор и совет, что предполагает доверительность между говорящим и слушающим персонажем и их иерархичность. Но «разговор», как большинство «советских» текстов, рассчитан на буквальное восприятие, задача же противоположных текстов – произвести комический эффект (безусловно, в зависимости от типа реципиента). Однако и тот, и другой текст не что иное, как китч. Современная культурная ситуация и строится, во-первых, на амбивалентности архаики и модерна, во-вторых, на захвате различных групп потребителей. Можно говорить в данном случае о маркетинговой политике, при которой принцип «хлеба и зрелищ» действует с особой эффективностью. Советское – богатый материал для различных культурно-коммерческих манипуляций со своим «<...> сложившимся и узнаваемым набором эстетических приемов репрезентации "советского мифа"» [Липовецкий, 2008. С. 726]. Именно набор клишированных приемов репрезентации, предсказуемость и узнаваемость сетевого продукта позволяет говорить о нем как о китче, выполняющем, однако, «...отчетливо терапевтическую функцию - ностальгический фантазм становится антитезой повседневному социальному опыту» [Там же. С. 726-727]. Что примечательно, этот «ностальгический фантазм» сформировался почти мгновенно, без необходимой временной дистанции: уже в 1992–1993 гг. появляются тенденции ментального возврата в прошлое.

Ирония в различных своих видах больше свойственна «несоветским» текстам, в которых часто имитируется весьма популярная на постсоветском пространстве инфантильная интонация и стилистика в традициях обэриутского примитива. Так, в другом тексте, правда, написанном 7 лет назад, представлены особенности существования советского человека: Советский человек постоянно участвовал в каких-то собраниях. Собрания были частью «советской демократии» <...>. Советский человек был хомяком. Он все ташил в дом <...>. Советский человек любил ходить в гости <...>. Советский человек ходил на демонстрации. На демонстрации шли колоннами <...>. Советский человек ходил на работу. Ему платили за то, что он туда ходит 7. Сравните: Советский человек любил ходить в гости – Лев Толстой очень любил детей; Однажды Пушкин стрелялся с Гоголем; Лев Толстой очень любил играть на балалайке; Вот однажды один человек пошел на службу; Вот однажды Петраков хотел спать лечь и т. д. (Хармс и приписываемое Хармсу). В литературе такая стилистика на протяжении XX в. превратилась в традицию у конкретистов, концептуалистов и постконцептуалистов (см. Дмитрия Горчева, Всеволода Емелина или Игоря Яркевича). Видимо, эта же «хармсиада» хорошо прижилась в интернет-среде, оказалась адекватной для выражения иронии и артикуляции юродского жеста.

Безусловно, советская ностальгия должна была породить в интернет-среде материалы сугубо разоблачительного характера. Большинство текстов Максима Мировича, белорусского блогера (в выборе фигуры автора мы руководствуемся не только особенностями его стиля, но и близостью и во многом идентичностью русского и белорусского социально-культурного, этнического и, самое главное, исторического контекста, к тому же Мирович пишет и для некоторых российских интернет-изданий), настойчиво посвящены этому разоблачению: построены статьи по принципу двучастной композиции (сначала вербализация мифа, затем разоблачение) и преследуют цель деконструкции стереотипов массового сознания и фейков. Неслучайно многие заголовки и подзаголовки материалов блогера начинаются со

⁷ https://pressa.tv/read/17905-snova-o-zhizni-v-sssr.html.

слова «миф». См., например, статью «Разоблачение главных мифов про СССР», тематически разбитую на ряд подпунктов: миф об отсутствии преступности, миф о самом вкусном мороженом, миф о советских технологиях, миф о дружбе народов и т. д. Более того, материалы Мировича – это своеобразная коммуникация с неким коллективным абстрактным оппонентом, «любителем СССР», над которым он постоянно иронизирует: В них [фильмах сталинской эпохи] всегда светит солнце, рабочие никогда не потеют, никогда не пачкают спецовку и общаются между собой исключительно цитатами из Маркса и Ленина. Никакого секса при Сталине, разумеется, быть не могло – парочки сперва держатся за руки, гуляя на берегу между березок <...>, а затем сразу же выходят из роддома, неся в руках сверток с улыбающимся трехмесячным коммунистом 8. Или в публикации «"Девчата" в тенях ГУЛАГа» ⁹ в которой блогер проводит «киноведческий» анализ популярных фильмов 1950-х гг.: <...> юная выпускница кулинарного училища приезжает на лесоповал на Урале, где в деревянных бараках живут добрые и улыбчивые люди и происходит много интересного – женские интриги, ощущение вечной постройки будущего, танцы под патефон. Есть даже доска почета для лучших работников! Девушки, на лесоповале хорошо, там вас ждут женихи! Цель этой иронии, как нам видится (возможно, цель не до конца осознана самим автором), - не столько деконструкция мифов, а борьба с иллюзиями «дискомфортного» сознания, с обывательской картиной мира. Впрочем, и Максим Мирович, и любители СССР пишут в контексте так называемой постправды: факты занимают второстепенное значение по сравнению с эмоциями и личными убеждениями, и с расстановкой нужных акцентов выстраиваются в том порядке, в котором и нужно, формируя тем самым для каждого из представителей оппозиционного лагеря «свою» картину мира. Лесоповал, добрые и улыбчивые люди, есть даже (!) доска почета, наконец, последняя фраза-обращение к девушкам: на лесоповале хорошо, там вас ждут женихи – все эти «вкрапленные» в «обычный» анонс фильма языковые элементы создают совсем иное восприятие фильма. Уже слово лесоповал, повторяющееся дважды, ассоциируется с негативным контекстом, а сочетание с ним девушки и добрые и улыбчивые люди создает когнитивный диссонанс. Характерным современным приемом, использующимся в интернет-пространстве для отражения двойной реальности и соответственно создания иронии, является литуратив (вычеркнутое слово или фраза), который Максим Мирович как современный блогер активно использует: Снимаются фильмы также и про азиатские республики СССР – о борьбе трудового народа с жадными баями и биями и торжественный приход советской власти, после чего начинается тишь да гладь да божья Марксова благодать. Этому лингвистическому явлению дал имя Г. Ч. Гусейнов ¹⁰. Прием расширяет возможности языковой игры и манипуляции с «правдой». По утверждению А. Ч. Пиперски и А. А. Сомина, «здесь, однако, часто в противоречие вступают "абсолютная истина" (описание с точки зрения объективной реальности) и "авторская истина" (описание с точки зрения автора): во многих случаях автор, безусловно, зная "абсолютную истину", более подходящей в данной ситуации считает собственную переносную характеристику события, объекта и т. п. В ситуации выбора из двух истин той, которую необходимо вербализовать согласно постулату истинности, возникает конфликт, и это приводит к тому, что некоторые авторы зачеркивают "абсолютную истину", другие же - "авторскую"» [Пиперски, Сомина, 2013. С. 60]. Ирония или даже агрессия – это, по сути, способы медийного нарратива. См. такие публикации Максима Мировича с характерными названиями: «Ошеломляющие фото последних дней СССР», «СССР. Очереди за "сладкой жизнью"», «Осколок ужаса. "Атомные солдаты" СССР», «Безобразные уродцы советского автопрома». Мирович, как и приверженцы советского, создает свой СССР (и дело в данном случае не в степени референтности, хотя, безусловно, описание советского бытия и быта у Мировича ближе к истине), и таким образом

⁸ https://maxim-nm.livejournal.com.

⁹ https://maxim-nm.livejournal.com/607156.html.

 $^{^{10}}$ Гусейнов Г. Ч. Неполная коммуникация в блогосфере: эрративы и литуративы. URL: http://www.speak-rus.ru/gg/liturative.htm.

получается ретротопия наоборот, или, другими словами, ретроантиутопия. Напомним цитируемое в начале статьи: «Память укоренена в конкретном, в пространстве, жесте, образе и объекте» [Нора и др., 1999. С. 20] – и добавим, что эти пространства, жесты, образы и объекты (в нашем случае советские очереди, фильмы, автомобили, колбаса и мороженое) могут быть интерпретированы, а следовательно, представлены совершенно противоположно.

Именно эта статья вызвала наибольшее количество комментариев на тему соответствия / несоответствия реальности и ее описания. Интерес к проблематике обусловлен объектом рефлексии автора — художественным текстом (в данном случае советским кинематографом). Неразличение литературности и реальности — вообще один из основных признаков «наивной картины мира». Субъект этой «наивной картины мира» слишком буквально воспринимает художественную реальность — как документальное свидетельство, а потом эту «правду», почерпнутую из априори не отражающего действительность текста, особенно по прошествии времени, вербализует как реальность, что, кстати, является одним из пусковых механизмов любых фейков — и советских, и современных.

Отметим, что оппоненты в пространстве Интернета дополняют друг друга: чтобы порождать критические тексты, необходим противник, потому что без такого мифотворчества окружающая действительность была бы совсем уж страшной и безысходной, так устроены компенсаторные функции сознания ¹¹.

Итак, советское прошлое — интересный социально-культурный феномен, явленный нам в дискурсе ностальгических репрезентаций. В соцсетях как «зеркале» современных медиа во многом отражается не история как таковая, а в визуальных и текстовых материалах сложная и многоаспектная, во многом амбивалентная ментальная ситуация времени, формирующаяся преимущественно в рамках массовой культуры и вбирающая в себя порой самые ортодоксальные стереотипы. В соцсетях ретротопия и «ретротопия наоборот» проявляются на разных уровнях языковой и жанровой составляющих. Так, интернет-материалы на советскую тему можно представить как семантическую игру, жонглирование массовыми концептами, наполнение интернет-пространства смыслами, а не идеологическое противостояние. Каждый из оппонентов конструирует свою модель мира, в которой оппозиция «правда / ложь», как и в художественном тексте, имеет второстепенное значение в качестве материала для игрового взаимодействия дискурсов и комбинации нарративов, конвенциональной для определенной группы людей.

Список литературы

Аверинцев С. София-Логос. Словарь. Собрание сочинений. Киев: Дух и литера, 2006. Т. 3. 912 с.

Архипова А., Кирзюк А. Опасные советские вещи. Городские легенды и страхи в СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 536 с.

Бауман 3. Ретротопия / Пер. с англ. В. Л. Силаевой; под ред. О. А. Оберемко. М.: ВЦИОМ, 2019. 160 с.

Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955. 160 с.

Бойм С. «За хороший вкус надо бороться!». Соцреализм и китч // Соцреалистический канон: Сб. ст. / Под ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 87—100.

Вайсс Д. Новояз как историческое явление // Соцреалистический канон: Сб. ст. / Под ред. X. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 539–554.

Говорухина Ю. А., Каминский П. П., Суханов В. А. Ностальгия по советскому в пространстве Интернета: самоорганизующаяся ностальгия // Ностальгия по советскому / Отв. ред. 3. И. Резанова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011а. С. 438–449.

ISSN 1818-7919

¹¹ https://yandex.ru/turbo/s/inforesist.org/razoblachenie-glavnyh-mifov-pro-sssr/.

- **Говорухина Ю. А., Каминский П. П., Суханов В. А.** Ностальгия по советскому в текстовом пространстве медиадискурсов // Ностальгия по советскому / Отв. ред. 3. И. Резанова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011б. С. 358–376.
- **Гриценко Л. М., Эмер Ю. А.** Советский прецедентный текст в чат-коммуникации: ностальгия или ирония? // Ностальгия по советскому / Отв. ред. З. И. Резанова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. С. 460–475.
- **Ерохина Т. И.** Феномен памяти в массовой культуре: контрпамять и постпамять в отечественном кинематографе // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 5. С. 269–274.
- **Липовецкий М.** Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 848 с.
- **Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М.** Проблематика мест памяти. Франция-память / Пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17–50.
- Ностальгия по советскому / Отв. ред. З. И. Резанова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 514 с.
- Пиперски А. Ч., Сомин А. А. Литуративы в русском интернете: семантика, синтаксис и технические особенности бытования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая 2 июня 2013 г.). М., 2013. Вып. 12 (19), т. 1: Основная программа конференции. С. 605—618.
- Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманит. лит., 2004. 728 с.
- **Силантьев И. В.** Газета и роман: Риторика дискурсных смешений / Отв. ред. Ю. В. Шатин. М.: Языки славянской культуры, 2006. 224 с.
- **Силантьев И. В.** Принцип незавершенности в творчестве Дмитрия Горчева // Сибирский филологический журнал. 2017. № 4. С. 125–134.
- СССР: Жизнь после смерти / Под ред. И. В. Глущенко, Б. Ю. Кагарлицкого, В. А. Куренного. М.: ИД ВШЭ, 2012. 304 с.
- Фокин А. А. Реликты и симулякры советского в современном российском медиапространстве // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2016. № 1/2. С. 65–73.
- **Хаттон Патрик Х.** История как искусство памяти / Пер. с англ. В. Ю. Быстрова. СПб.: Владимир Даль: Фонд Ун-т, 2003. 422 с.
- **Хальбвакс М.** Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
- **Хохлова** Д. Д. Как метамодерн привел к политической сатире и новому популизму // Власть. 2017. Т. 25, № 8. С. 59–63.
- **Чикишева А. С.** Феномен ностальгии в постсоветской массовой культуре // Фундаментальные проблемы культурологии: Сб. ст. по материалам конгресса / Отв. ред. Д. Л. Спивак. М.: Новый хронограф: Эйдос, 2009. Т. 6: Культурное наследие: От прошлого к будущему. С. 267–277.
- **Hirsch M.** The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust. New York, Columbia University Press, 2012, 320 p.

References

- **Averintsev S.** Sofiya-Logos. Slovar'. Sobranie sochinenij [Vocabulary. Collected Works]. Kiev, Spirit and literature, 2006, vol. 3, 912 p. (in Russ.)
- **Arkhipova A., Kirzyuk A.** Opasnye sovetskie veshchi. Gorodskie legendy i strahi v SSSR [Dangerous Soviet Things. Urban Legends and Fears in the USSR]. Moscow, New literary review, 2020, 536 p. (in Russ.)
- **Bauman Z.** Retrotopiya [Retrotopia] / Transl. from English by V. L. Silaeva; ed. by O. A. Oberemko. Moscow, VCIOM, 2019, 160 p. (in Russ.)
- **Berdyaev N. A.** Istoki i smysl russkogo communism [The Origins and Meaning of Russian Communism]. Paris, 1955, 160 p. (in Russ.)

- **Boim S.** "Za khoroshii vkus nado borot'sya!". Sotsrealizm i kitch ["We have to fight for good taste!". Socialist Realism and Kitsch]. In: Sotsrealisticheskii kanon [Socialist Realist Canon]. Collection of articles. Ed. by H. Gunther and E. Dobrenko. St. Petersburg, Academic project, 2000, p. 87–100. (in Russ.)
- **Chikisheva A. S.** Fenomen nostal'gii v postsovetskoi massovoi kul'ture [Phenomenon of Nostalgia in Post-Soviet Mass Culture]. In: Fundamental'nye problemy kul'turologii [Fundamental problems of cultural studies]. Collection of Articles on the Materials of the Congress. Ed. by D. L. Spivak. Moscow, New chronograph, Eidos, 2009, vol. 6, p. 267–277. (in Russ.)
- **Erokhina T. I.** Fenomen pamyati v massovoi kul'ture: kontrpamyat' i postpamyat' v otechestvennom kinematografe [Phenomenon of Memory in Mass Culture: Counter-Memory and Post-Memory in Domestic Cinema]. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2017, no. 5, p. 269–274. (in Russ.)
- **Fokin A. A.** Relikty i simulyakry sovetskogo v sovremennom rossijskom mediaprostranstve [Relics and Simulacra of the Soviet in Modern Russian Media Space]. *Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Research*, 2016, no. 1/2, p. 65–73. (in Russ.)
- Govorukhina Yu. A., Kaminsky P. P., Sukhanov V. A. Nostal'giya po sovetskomu v prostranstve Interneta: samoorganizuyushchayasya nostal'giya [Nostalgia for the Soviet Realities in the Internet Space: Self-Organizing Nostalgia]. In: Nostal'giya po sovetskomu [Nostalgia for the Soviet]. Ed. by Z. I. Rezanova. Tomsk, TSU Press, 2011, p. 438–449. (in Russ.)
- Govorukhina Yu. A., Kaminsky P. P., Sukhanov V. A. Nostal'giya po sovetskomu v tekstovom prostranstve mediadiskursov [Nostalgia for the Soviet Realities in the Text Space of Media Discourses]. In: Nostal'giya po sovetskomu [Nostalgia for the Soviet]. Ed. by Z. I. Rezanova. Tomsk, TSU Press, 2011, p. 358–376. (in Russ.)
- **Gritsenko L. M., Emer Yu. A.** Sovetskii precedentnyi tekst v chat-kommunikatsii: nostal'giya ili ironiya? [Soviet Precedent Text in Chat Communication: Nostalgia or Irony?] In: Nostal'giya po sovetskomu [Nostalgia for the Soviet]. Ed. by Z. I. Rezanova. Tomsk, TSU Press, 2011, p. 460–475. (in Russ.)
- **Halbvaks M.** Sotsial'nye ramki pamyati [Social Framework of Memory]. Transl. from Freanch and entered. introductory article by S. N. Zenkina. Moscow, New publishing house, 2007, 348 p. (in Russ.)
- **Hatton P. H.** Istoriya kak iskusstvo pamyati [History as an Art of Memory]. Transl. from English by V. Yu. Bystrova. St. Petersburg, Vladimir Dal, Uni. Fund, 2003, 422 p. (in Russ.)
- **Hirsch M.** The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust. New York, Columbia University Press, 2012, 320 p.
- **Khokhlova D. D.** Kak metamodern privel k politicheskoj satire i novomu populizmu [How Metamodernism Led to Political Satire and New Populism]. *Vlast'* [*Power*], 2017, vol. 25, no. 8, p. 59–63. (in Russ.)
- **Lipovetsky M.** Paralogii: Transformacii (post)modernistskogo diskursa v russkoj kul'ture 1920–2000 godov [Transformations of (Post)Modernist Discourse in Russian Culture of 1920–2000]. Moscow, New literary review, 2008, 848 p. (in Russ.)
- **Nora P., Ozuf M., Pyuimezh Zh. de, Vinok M.** Problematika mest pamyati. Frantsiya-pamyati [The Problem of Sites of Memory. France-Memory]. Transl. from French by D. Khapaeva. St. Petersburg, Publ. house of St. Petersburg Uni., 1999, p. 17–50. (in Russ.)
- Nostal'giya po sovetskomu [Nostalgia for the Soviet]. Ed. by Z. I. Rezanova. Tomsk, TSU Press, 2011, 514 p. (in Russ.)
- **Piperski A. Ch., Somin A. A.** Liturativy v russkom internete: semantika, sintaksis i tekhnicheskie osobennosti bytovaniya [Lituratives on the Russian Internet: Semantics, Syntax and Technical Features of Being]. In: Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferentsii "Dialog" (Bekasovo, 29 maya 2 iyunya 2013 g.) [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Based on the Materials of

- the Annual International Conference "Dialogue" (Bekasovo, May 29 June 2, 2013)]. Moscow, 2013, issue 12 (19), vol. 1, p. 605–618. (in Russ.)
- **Rikyor P.** Pamyat', istoriya, zabvenie [Memory, history, oblivion]. Moscow, Publishing house of humanitarian literature, 2004, 728 p. (in Russ.)
- **Silantev I. V.** Gazeta i roman: Ritorika diskursnykh smeshenii [Newspaper and Novel: Rhetoric of Discourse Confusion]. Ed. by Yu. V. Shatin. Moscow, Languages of Slavic culture, 2006, 224 p. (in Russ.)
- **Silantev I. V.** Printsip nezavershennosti v tvorchestve Dmitriya Gorcheva [The principle of Incompleteness in the Work of Dmitry Gorchev]. *Siberian Journal of Philology*, 2017, no. 4, p. 125–134. (in Russ.)
- SSSR: Zhizn' posle smerti [USSR: Life after Death]. Ed. by I. V. Glushchenko, B. Yu. Kagarlitsky, V. A. Kurenny. Moscow, Publishing House of HSE, 2012, 304 p. (in Russ.)
- **Vaiss D.** Novoyaz kak istoricheskoe yavlenie [Newspeak as a Historical Phenomenon]. In: Sotsrealisticheskii kanon [Socialist Realist Canon]. Collection of articles. Ed. by H. Gunther and E. Dobrenko. St. Petersburg, Academic project, 2000, p. 539–554. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию Received 22.01.2021

Сведения об авторах

- Маркасов Максим Юрьевич, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики Института филологии, массовой информации и психологии Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия) markasovmaksim7@gmail.com
- Маркасова Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры маркетинга, рекламы и связей с общественностью Новосибирского государственного университета экономики и управления (Новосибирск, Россия) markasova85@gmail.com

Information about the Authors

- **Maksim Yu. Markasov**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Journalism of the Institute of Philology, Mass Information and Psychology of the Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation) markasovmaksim7@gmail.com
- Olga A. Markasova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Marketing, Advertising and Public Relations, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation) markasova85@gmail.com